

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2Рос)

А.В. ШАЛАК

**ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ:
ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
(к 100-летию Великой Октябрьской революции)**

В статье концептуально осмысливаются политические процессы в Иркутске и Иркутской губернии в пореформенный период. Анализ региональных процессов свидетельствует о постепенном формировании предпосылок эволюционной трансформации политической системы России в буржуазно-демократическую. Радикальные настроения имели место в губернском центре, сосредоточением их являлись группы политических ссыльных. События в регионе стали стремительно развиваться после февральского переворота. Региональные политические процессы были инспирированы сверху, и развивались как городская революция, возникшая в центре. В статье утверждается, что без исследования геополитических перипетий мировой политики, влияния внешнего субъекта, невозможно полноценно оценить влияние внутреннего субъекта, и выстроить полноценную концепцию политических процессов, завершившихся выстраиванием советского проекта.

Ключевые слова: Иркутск, региональные особенности, политические процессы, гражданское общество, власть, революция.

HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE REGIONAL POLITICAL PROCESSES: CONCEPTUALIZATION (by the 100 anniversary of the Great October Revolution)

The conceptualization of political processes in Irkutsk city and its province during the post-reform period is taking place in this article. The analysis of regional processes is giving evidence of gradual premises formation in evolutionary transformation of Russian political system to bourgeois-democratic one. The thoroughgoing views were taking place in province center mostly among political exiled. The February upheaval gave a start to impetuous events development. The regional political processes were inspired from higher authorities. They were expanded like revolution in the city. It is claimed in the article that complex estimation of the inner party influence, and conceptual formation of political processes, which were ended by forming the soviet project, are impossible without studying the geopolitical twists in worldwide policy.

Keywords: Irkutsk, regional distinctions, political processes, civil society, authority, revolution.

В изучении своеобразия политических процессов российской глубинки накануне 1917 г. остается много проблемных вопросов. Дело не столько в глубине и скрупулезности исследования отдельных тем, сколько в интерпретации накопленного материала. Кардинальная переоценка традиционного подхода, изложенного в концепции И.И. Минца [8], началась в конце 1980-х гг., и дискуссии продолжают до сегодняшнего времени. Это имеет отношение не только к отечественной историографии. Только американскими историками и публицистами создано девять концепций русской революции [16, с. 254].

Реконструкция общественно-политических процессов в их динамике диктует необходимость не только переосмысления, но и нового прочтения раннее известных источников, а также огромного пласта появившейся эмигрантской литературы. В современной отечественной историографии причины Великой российской революции трактуются предельно широко: от концепции объективного стихийного взрыва и восстания до ответственности элит, либеральной интеллигенции, которая привела общество к расколу. Одной из остро дискутируемых тем остается тема заговоров масонства.

Ключевой проблемой научной полемики в течение долгих лет остается вопрос о предпосылках Великой российской революции: нерешенные социально-экономические вопросы в ходе реформ второй половины XIX в. породили революцию или негибкость самодержавной власти, или ценностный раскол внутри элит привели к развалу традиционной

национальной государственности? С геополитических позиций вопрос о революции получает новое видение: не допустить поступательного движения России, ее доминирования в мире и Европе как в экономическом, военном, так и в культурно-духовном отношениях. Ряд исследователей в этом усматривают конспирологию, другие склонны именно под таким углом рассматривать борьбу радикальной оппозиции с существующим режимом. Ключевым вопросом в этой концепции является изучение источников финансирования радикальных политических сил, занимающих непримиримые позиции по отношению к существующей государственной власти. С таких позиций написаны ставшие популярными работы Н.В. Старикова и А.И. Фурсова, в которой революция в России представлена в большей степени как спецоперация внешних сил. И даже если эти работы написаны во многом с публицистических позиций, но на многие поставленные в них острые вопросы истории должны дать аргументированные ответы [12–14; 18].

Поэтому важно в исследовании региональных революционных процессов отразить те фундаментальные проблемы, которые сформулированы на сегодня в российской историографии. Современные публикации о революции 1917 г. должны отличаться от традиционных юбилейных сборников советского времени возможностью интерпретировать данные события с опорой на различные методологические подходы и через призму исторического опыта, в том числе и постсоветского периода. На это обращает внимание известный специалист в области методологии исторического познания А.Н. Медушевский [7]. К подобным попыткам можно отнести коллективную монографию «Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки по истории политической истории губернского центра» [5]. На основе обширного документального и историографического материала в работе исследуются проблемы вызревания и развития социальных катаклизмов в Иркутске. Причем эти проблемы рассматриваются в рамках широкого геополитического контекста, связанного с положением Прибайкалья в имперском пространстве России и роли Иркутска в системе губернского управления. И хотя название книги претендует на изложение политической истории Иркутска накануне 1917 г., однако в действительности значительная часть материалов книги отражает историю города с начала XIX в., включая историю повседневности городской жизни, социально-демографические процессы и ряд других проблем. Особенно большое внимание авторы уделяют буржуазным реформам с начала 1860-х гг. Такое внимание к этому периоду в истории губернского центра выглядит вполне оправданным, поскольку именно эти реформы задают общие тенденции развития городского хозяйства, экономической жизни и политическим процессам в регионе.

Вполне логично осмысление предпосылок революционных событий начала XX в. необходимо начинать с представления географического,

экономического, социально-демографического пространства. Этот важный методологический аспект зачастую игнорируется в исторических исследованиях, но ведь именно специфика пространства во многом определяет особенности проблем, возникающих на территории, и позволяет в историко-геополитическом контексте исследовать не только традиционный набор социально-экономических и политических проблем региона, но и дополнительный комплекс причин, обострявший социальные отношения в Сибири. Огромные пространства Сибири не были инкорпорированы в экономическое и политическое пространство империи и зависели от европейского центра. Положение Сибири мало чем отличалось от статуса колонии. Правящие круги традиционно смотрели на Сибирь как источник ресурсов для европейской России и эти ресурсы без особых вложений в социальную инфраструктуру региона должны были укреплять мощь империи. Преобладание административно-политических целей над социальными и экономическими не могло не являться дополнительным фактором, стимулирующим революционное движение в регионе. Одновременно с этим каждый сложившийся в ходе исторического развития регион в Сибири имел свою специфику, индивидуальные особенности, находившие отражение в социокультурном и этноконфессиональном облике, что также не могло не влиять на формирование предпосылок революционных потрясений. Именно поэтому историко-геополитическая идентификация региона позволяет по-новому и в более широком контексте исследовать формирование предпосылок социальной революции начала XX в.

Своей региональной спецификой обладает не только пространство Сибири, на что обращал уже внимание А.Н. Радищев в 1791 г., находившийся здесь в ссылке: «Уральские горы, отделяя Сибирь от России, делают ее особенною во всех отношениях» [5, с. 11]. Внутри огромного сибирского пространства имелась своя региональная специфика, социокультурное своеобразие. Для Иркутской губернии она заключалась, в частности, в преобладании мужского населения над женским, более меньшим удельным весом крестьян в структуре городского населения (10 %, в сравнении с 20 % в европейской части), наличие значительного процента ссыльных и ссыльнопоселенцев (12 % населения Иркутской губернии на 1890 г.) [5, с. 14–15].

Кроме того, отдаленность Сибири от центра страны обусловила гипертрофированное сосредоточение власти в руках губернаторов, которые имели значительную автономию в решении многих вопросов, обращаясь в центральные и высшие учреждения империи лишь в наиболее важных случаях. При этом сам генерал-губернатор мог бывать на вверенной ему территории лишь эпизодически, годами управляя краем из Петербурга.

Спецификой Сибири являлось и то, что земельный вопрос, который был одним из главных в предреволюционный период, не имел столь

острого и проблемного характера, как в европейской части России. Сибирь, как известно, не знала практики крепостного состояния, не было здесь и дворянских имений. В европейской части страны на душу мужского пола приходилось в 1880 г. 3,5 десятины. В Иркутской же губернии в 1880-х гг. на душу мужского пола приходилось по 23,8 десятин удобной земли, т. е. в восемь раз больше. Однако при этом дифференциация земельной собственности являлась существенной. Господство захватной формы землевладения приводило к тому, что одни дворы имели только по 5–10 десятин земли, а другие — по 50 и более. Усиление потока переселенцев еще более обостряло эту проблему. Имелись серьезные различия в обеспеченности крестьян землей и по округам внутри региона. Например, крестьяне Нижнеудинского округа имели 61 десятину на душу, что было более чем в два раза выше средних показателей по губернии [5, с. 37]. Очевидно, что с этой точки зрения также можно оценивать специфику внутрорегиональных политических процессов в годы революции и гражданской войны.

Важное значение при анализе предпосылок потрясений начала XX в. имеет исследование социальной структуры общества. С позиций материалистического понимания общественных процессов, они являются отражением тенденций экономической жизни, и как следствие, переносятся в политическую сферу. Особенностью региона являлось отсутствие в городах стабильной прослойки поместного дворянства, что ставило чиновничество и верхушку купечества на самый верх социальной иерархии. Социальная поляризация при этом не уступала европейским районам страны. Годового дохода рабочего не хватало на самое необходимое. Вдовы, сироты, старики традиционно представляли низы, которые ежедневно толпились вокруг управ и канцелярий, прося о помощи. С этой точки зрения, ситуация ничем не отличалась от европейской России. При этом у городских властей имелись гораздо большие возможности для решения социальных и не только социальных проблем населения. Бюджет города Иркутска составлял в 1890 г. 317,6 тыс. р. и значительно превосходил бюджеты соседних областных городов (более, чем в пять раз бюджет Красноярска и почти в восемь раз бюджет Читы) [5, с. 69].

Учет региональных особенностей позволяет в более широком контексте исследовать истоки радикальных движений в Сибири. Они, в том числе, связаны и с так называемыми «сибирскими вопросами» областного движения, которые актуализировали внимание к региональной специфике, и в том числе широко будировали «национальный вопрос». Именно областники больше всех говорили о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов. Иностранческий, или как сегодня бы сказали, национальный вопрос раздувала русская интеллигенция в лице разночинцев. Делали они это осознанно, в силу своих убеждений, или в силу того, что в борьбе с царизмом все средства хороши, — во-

прос остается открытым. Но, примерно так же с вульгарных позиций марксистско-ленинской идеологии в первые десятилетия советской власти все вопросы продвижения России на восток трактовались с классовых позиций. Политика царизма провозглашалась в национальном вопросе империалистической, а недовольство местной знати и стычки на бытовой почве трактовались как проявление национально-освободительной борьбы местного населения. Именно с этих позиций, например, написана монография известного сибирского историка А.П. Окладникова, изданная в 1937 г. [9]. После распада СССР национальная политика советского государства во многих публикациях стала оцениваться с позиций идеологии либерализма. Поэтому теперь уже 1920–1930-е гг. рисуются только в черных красках, как и весь советский политический режим. В подобных работах утверждается, что материальные ресурсы «тундровых, таежных и лесных обитателей», их имущество использовалось «для нового строительства и удовлетворения продовольственных потребностей», что неизбежно вело к «депопуляции» местного населения. Обобщающие цифры и факты, свидетельствующие о «депопуляции», в таких публикациях отсутствуют, авторы уверяют, что «реальные масштабы не оценены до сих пор». Поэтому и окончательные выводы в подобных работах удивительно совпадают с выводами областнического движения, только вина в них возлагается уже на советскую власть: «Советская государственная модель поведения в отношении малых народов в 1930-е гг. не предусматривала особого учета национальной специфики регионов..., коренных групп населения». Решением возникающих проблем становилось «физическое уничтожение национальных кадров под вымышленными предлогами» [10, с. 478–476; 11, с. 143–148].

Серьезное обсуждение вопроса об альтернативах русской революции 1917 г. предполагает осуществление глубокого анализа слагаемого потенциала структур гражданского общества. Через участие иркутян в органах местного общественного самоуправления можно было оформить легитимное пространство диалога с властью. Расширение же этого пространства неизбежно вело к эволюции политической системы в России. С этой точки зрения, важное значение в изучении предпосылок революции имеет анализ проблемы взаимодействия власти и общества.

Интересы общества, в том числе и политические, получали возможность реализации прежде всего через развитие местного самоуправления. В этом смысле интересно соотнести объемы пространства взаимодействия общества и власти. Ответ на данный вопрос позволяет оценить реальные возможности населения в области легального представительства своих интересов. Исследователи этой проблемы отмечают, что политические права и свободы в рамках местного самоуправления в регионе постепенно наполнялись вполне реальным содержанием. Если понимать под содержанием демократии развитое местное само-

управление, в рамках которого граждане реально учатся управлять и реализовывать свои интересы, то в этом смысле в рамках городского управления в Иркутске был наработан значительный опыт и имелась прослойка людей, активно включающихся в решение городских проблем. Расширение избирательных прав, начиная с введения городского уложения (введено в Иркутске в 1872 г.), которое заменило сословно-бюрократические органы управления всесословными, постепенно расширяло количество граждан, вовлеченных в процесс формирования городских органов власти. И хотя в этом процессе получили возможность принимать не более 6,3% иркутян, однако по этому показателю Иркутск почти в два раза превышал аналогичный показатель в городах европейской России [5, с. 127]. Реально же данным правом пользовались лишь незначительная часть сословий. По итогам первых четырех выборов в них принимали участие от 6,5 до 20 % горожан, обладающих избирательным правом. Что же касается осознанности этих выборов, то здесь проблемы вполне сопоставимы с современными: избиратель чаще не знал тех, за кого голосует, повсеместно нарушались и правила избирательного законодательства. Такая пассивность избирателей отчасти объясняется тем, что осуществлять властные функции, то есть заниматься городским хозяйством, нужно было на бесплатной основе. Городские должности замещались по очереди в виде повинности, и отказаться от них было нельзя. Однако, думается, дело не только в отсутствии материальных стимулов, сколько в особенностях политической культуры, поскольку «политическое участие» России конца XIX в. мало чем отличается от начала XXI в.

Диалог органов местного самоуправления с властью постепенно расширялся, городская дума все больше проявляла себя как общественно-политический орган, актуализирующий перед властью местные нужды. Параллельно в самой системе органов местного самоуправления оформляется оппозиция и таким образом нарабатывался не только опыт политической борьбы, но и избранные депутаты (гласные) оказывались под контролем оппозиции. То есть начинали реально действовать классические демократические механизмы. Набрав определенный политический вес, представители городского самоуправления стали поднимать перед властью и «общесибирские вопросы», среди которых одним из главных был вопрос о прекращении ссылки в Сибирь. Власть на эти процессы отреагировала новым городским положением от 1892 г, введение которого в два раза сократило количество лиц, вовлеченных в эту сферу общественной жизни города [5, с. 135, 137].

Наряду с развитием органов местного самоуправления шел процесс становления таких важных структур гражданского общества как неполитические и политические объединения города. Только за вторую половину XIX в. в городах Иркутской губернии было создано более 40 неполитиче-

ских общественных объединений некоммерческого характера [5, с. 146]. Основными направлениями их работы выступали благотворительность, научная, культурно-просветительная и досуговая деятельность, обеспечение занятий по интересам, сословная взаимопомощь, взаимопомощь в профессиональной и экономической сферах, в области коммунального хозяйства, а также миссионерская деятельность. Однако структурами гражданского общества их можно считать условно, поскольку инициатива по их созданию исходила сверху, создавались они по распоряжению губернской власти. Однако уже к концу XIX в. губернская власть утратила монополию на создание таких структур. Из учтенных 45 неополитических общественных формирований, действовавших на территории Иркутской губернии во второй половине XIX в., только 18 объединений (40 %) были открыты административным порядком.

Таким образом, в пореформенный период в Иркутске отчетливо прослеживается тенденция формирования структур гражданского общества, которые в условиях буржуазного развития являются основой распространения идеологии либерализма и постепенной трансформации авторитарной монархии в республиканскую форму правления. При эволюционном процессе развития данная альтернатива становилась вполне реальной. Анализ деятельности общественных объединений позволяет вполне обосновано утверждать, что в регионе, особенно в Иркутске, постепенно вырабатывались навыки общественной деятельности, устанавливались горизонтальные связи, консолидировались отдельные социальные группы.

Радикализация общественных настроений в регионе во многом была обязана политической ссылке. Биография иркутской политической ссылки полна громкими именами. В городе побывали М.А. Бакунин, Г.А. Лопатин, М.И. Михайлов, Г.Н. Потанин, Н.Г. Чернышевский, Н.М. Ядринцев, А.П. Щапов, Л.Б. Красин, Л.Д. Троцкий и многие другие. В 1860-е гг. в пределы губернии прибыли около трех тысяч поляков, участников январского восстания. Многие из них осели на постоянное место жительства и занимались не только торговлей, культурной и научно-просветительской деятельностью, но оказывали существенное влияние и на формирование общественного мнения. Без учета ссылных поляков количество политических ссылных выросло к началу XX в. до 120 чел. [5, с. 172, 177]. Цифра может показаться не столь большой, но с учетом активности в общественной политической сфере, выступлении на страницах областных газет, их влияние на формирование общественно-политических предпочтений граждан оказывалось весьма существенным. Тем более, что после первой русской революции количество политических ссылных выросло примерно в четыре раза.

Общественный статус политических ссылных в регионе был достаточно высоким, поскольку представители иркутских властей относились

к ним вполне лояльно. Причина этой доброжелательности не только и не столько в общности социального происхождения. В условиях географической удаленности и неразвитости сферы услуг, общение с ссыльными, их выступления воспринимались как хождение на определенный политический спектакль, форма досуга. Влияние политических ссыльных было связано также с возможностью излагать свои взгляды через активное сотрудничество с газетой «Восточное обозрение». Это во многом неизбежный процесс в условиях начавшихся процессов демократизации и становления структур гражданского общества. Применительно к американскому обществу эти аспекты хорошо изложены в работе А. де Токвиля «Демократия в Америке», ставшей классикой политической мысли [15]. Применительно к иркутскому обществу такое лояльное отношение к политическим ссыльным можно также объяснить и тем, что власть не видела сколь-нибудь серьезной угрозы для себя с их стороны и поэтому склонна была относиться к ним весьма снисходительно.

Политические процессы периода первой русской революции и после нее с фактической стороны исследованы достаточно хорошо. Они свидетельствуют о росте количества стачек, прочих протестных акциях. Однако в стороне остается вопрос оценки масштабов революционных процессов, их причинах. Насколько усугубились социальные проблемы в регионе, и можно ли требование небольшой группы социалистов выдавать за массовые настроения? При этом не была единства в рядах тех, кто занимал наиболее радикальные позиции по отношению к власти. Оппозиционно настроенная интеллигенция Иркутска и политические ссыльные дробились на различные политические платформы и союзы. Эти оппозиционные настроения по отношению к самодержавию поддерживались и позицией органов местного самоуправления, которые по ряду вопросов были вынуждены все чаще находиться в оппозиции к губернской власти. Реальное влияние местных органов власти к началу XX в. выросло настолько, что даже в годы русско-японской войны городская дума могла отказать военному ведомству в отведении земли под госпиталь.

Вместе с ростом влияния Иркутская городская дума пыталась оформить свою политическую позицию. По поручению Иркутской городской думы И.И. Попов подготовил проект положения о земских учреждениях в Сибири, включающий требование предоставления избирательных прав всему населению. Это требование они распространяли не только на земства, но и на весь государственный строй России [7, с. 104–105]. Таким образом, в оппозиции к самодержавию оказывались с начала XX в. не только радикально настроенные политические ссыльные, но и местные органы власти. Именно их позиция чрезвычайно усиливала радикальные позиции в иркутском обществе.

Борьба за власть всегда основана на ресурсах. Успех в этой борьбе, как правило, на стороне тех, у кого больше наличных ресурсов. Вопрос

о финансирование оппозиционной политической деятельности один из самых малоисследованных историками. Например, на содержание техники и издательскую деятельность социал-демократы в Иркутске сумели привлечь только в первом полугодии 1905 г. огромную сумму в 5755 р. [5, с. 330]. Однако источники финансирования революционной деятельности продолжают оставаться одним из наименее изученных вопросов.

Политические ссылки как фактор радикализации общественных настроений на какое-то время был нейтрализован в регионе после октябрьского Высочайшего Манифеста 1905 г. Согласно последовавшему за ним Указу, сроки политическим каторжанам и поселенцам по суду значительно сократили, а административно-ссылных полностью амнистировали. Практически все они покинули пределы региона. Однако разгром революционных организаций и подавление массового рабочего и крестьянского движения в Европейской России в 1905–1906 гг. способствовали вновь наполнению тюрем и ссылных мест. И центром их сосредоточения являлся, конечно, губернский центр. Одной из причин этого являлось весьма вольное перемещение ссылных по территории губернии. Удельный вес «временно проживающих» в Иркутске политических ссылных составлял едва ли не третью часть всей «официальной» колонии» [5, с. 405]. Важно также отметить, что многие ссылки социал-демократы Иркутска и губернии являлись видными партийцами: С.В. Косиор, М.Я. Лацис, В.М. Молотов, Е.А. Преображенский, П.П. Постышев, Д.А. Трилиссер, М.В. Фрунзе, И.Г. Церетели и др. Но после Февральских событий 1917 г. подавляющая часть политических ссылных (свыше трех тысяч человек) также, как и после Высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 г., убыла в центральные районы страны.

Февралисты поступили весьма продуманно в целях реализации своей политической платформы, передав обязанности местной администрации председателям губернских и уездных земских управ и городским головам. Как уже отмечалось выше, политические предпочтения последних практически совпадали с программой кадетов, поэтому совершенный государственный переворот не встретил какого-либо заметного сопротивления в регионе с их стороны. В области внутренней политики Временное правительство вводило политические свободы, объявило политическую амнистию, приступило к организации выборов в Учредительное собрание. Именно это обеспечило мирный переход власти после государственного переворота. Не случайно по поводу характера перехода власти бывший генерал-губернатор А.И. Пильц перед отъездом из Иркутска в Петроград саркастически высказался: «...столько дней идет в Иркутске революция, и до сих пор не сломлено здесь ни одного оконного стекла!» [5, с. 436].

Ход событий от февраля до октября 1917 г. в Иркутской губернии в целом укладывался в общероссийские тенденции. Провозглашение

лозунга «Война до победного конца!» способствовало быстрому переходу армейских частей на сторону большевиков, которые предложили выход из войны и заключение демократического мира без всяких контрибуций. Одновременно действия Временного правительства вели к хаотизации общественных отношений в России. Выпуск из тюрем политических и уголовников с одной стороны резко обострили борьбу за власть в стране, с другой привели к росту грабежей, убийств, воровства и, как следствие, росту социальной напряженности. Уже с середины мая 1917 г. в Иркутске начались организованные вооруженные грабежи: нападения на артельщиков (кассиров), ювелиров, часовых мастеров, магазины [5, с. 436]. Местные же органы власти, на которые были возложены обязанности государственного управления, не обладали ни опытом, ни авторитетом, позволяющим эффективно бороться на местах с последствиями подобных решений Временного правительства. Кроме того, справиться с проблемами на базе той политической платформы, на которой стояли местные органы власти, в условиях войны и нарастающего хаоса было невозможно. Позиция же Временного правительства была явно неадекватной с самого начала, когда было заявлено, что все реформы, в том числе и выборы в Учредительное собрание будут осуществляться независимо от «военных обстоятельств» [17, с. 14–16]. В такой ситуации реальная власть быстро перетекает на сторону тех политических сил, которых поддерживает армия и население крупнейших индустриальных и политических центров. Аморфное «демократическое большинство» не решает ничего в настоящем, не решало в прошлом. Интерполяция политического опыта на события в регионе подтверждает подобную логику событий. На состоявшихся в июле 1917 г. выборах в городскую думу большевики получили всего 11 мандатов из 90, тогда как у эсеров было 47 мест. Выборы же в Учредительное собрание, спустя четыре месяца, в ноябре 1917 г. продемонстрировали уже совершенно иную ситуацию. Большевики в городе получили 37 % голосов, а эсеры 32,5 % [5, с. 443]. При этом за большевиков проголосовали солдаты иркутского гарнизона. Победа в губернском центре с таким влиянием в армейских частях имела решающее значение. Голоса крестьянской массы, отданные за эсеров и другие политические силы, разбросанные по территории региона, не играли в данном случае столь серьезного значения. Поэтому в условиях массовой поддержки большевиков со стороны солдатских масс и крупнейших индустриальных центров политически ситуация была безальтернативной.

Разложение русской армии в революционном 1917 г. резко усилилось после Февраля и достигло своего максимума к Октябрю. Солдатские массы охотно соглашались с созданием солдатских комитетов, гарантирование «каждому воину осуществление его гражданских и политических прав». Уже к середине апреля 1916 г. только на фронте ко-

личество выборных солдатских комитетов приближалось к 60 тыс. Узаконены весной 1917 г. на фронте были и солдатские митинги. Поскольку бунтовать было вполне законно, то солдаты бунтовали и без пропаганды большевиков, а в согласии со своей «революционной совестью». [1, с. 109]. А после этого от Временного правительства последовали такие документы как «Декларация прав солдата», введение института комиссаров Временного правительства, на которых возлагалось гражданское управление на театре войны [2, с. 9–10]. В вопросах «демократизации» армия была на стороне Временного правительства. Именно поэтому солдатские массы не поддержали корниловский мятеж. Но как только речь заходила о проведении масштабных операций на фронте, армия оказывалась в оппозиции к Временному правительству. Офицеры изгонялись из армии не только солдатскими комитетами. Временное правительство уволило в отставку сотни генералов, занимавших высшие командные и административные должности, среди которых 70 командиров дивизий [6, с. 23]. А многие генералы в той ситуации увольнялись по собственному желанию. Вести войну с такой армией было невозможно, поэтому большевикам после взятия власти пришлось создавать армию заново.

Попытка объяснить победу большевиков с позиций синергетического подхода, когда она представляется как «перетягивание чаши исторических весов на свою сторону», что привело к совершенно «непредсказуемым результатам», выглядит, как минимум, дискуссионной. Многие социологи и историки стали сегодня поклонниками синергетики И. Пригожина. Однако нужно помнить, что сам И. Пригожин скептически относился к применению этого подхода по отношению к социальным системам. Многие сегодня синергетический подход трактуют произвольно: наступление хаоса признается неизбежным и его нельзя объяснить детерминистским подходом, но направления выхода из бифуркации объявляются непредсказуемыми. Но, как отмечал Алекс Бэтлер, «непредсказуемое направление — утверждение неверное хотя бы уже потому, что у исторического развития человечества не так уж много альтернатив... Их несложно вычислить из тенденций, которые обозначились...» [3, с. 212]. Вряд ли деятельность февралистов, которые принудили в разгар войны отречься от должности главу государства и верховного главнокомандующего, отстранили от власти всю существующую вертикаль, выпустили из тюрем политических и уголовников и одновременно с этим распустили полицию и жандармерию, вознамерились в воюющей стране организовать выборы и при этом не решали ни одного вопроса, от которого зависели политическая и социальная стабильность, вряд ли подобное могло привести к другой альтернативе, кроме большевистской. Триумфальное шествие советской власти — это реальный и закономерный факт, а не «точка бифуркации». При этом в стороне остается анализ не столько

роли императора, сколько Михаила Александровича, которому Николай передал «престол государства Российского». Ведь именно Михаил должен был определить те начала власти, «кои ими будут установлены» [17, с. 16]. Почему и под влиянием каких обстоятельств Михаил согласился в условия войны с идеей организации выборов в Учредительное собрание, эта история до сих пор со многими малоизвестными оттенками и интерпретациями.

Анализ региональных процессов пореформенный период свидетельствует о постепенном формировании предпосылок эволюционной трансформации политической системы России в буржуазно-демократическую. Оформлялись структуры гражданского общества, выражавшие интересы имущих классов, накапливался опыт местного самоуправления. В силу отсутствия земельного вопроса в том виде, как он стоял в европейской России, противоречия в сельской местности не имели ярко выраженного антагонистического характера, не стимулировали какие-либо радикальные преобразования. Радикальные настроения имели место в губернском центре, сосредоточением их являлись группы политических ссыльных, и распространялись они на незначительную часть городского общества. С одной стороны, их влияние было ограничено межпартийными разногласиями и наличием множества политических платформ, с другой стороны, их воздействие на городское общество усиливалось доступом к местной прессе и в целом лояльным отношением региональных властей. События в регионе, как и в стране, стали стремительно развиваться после февральского переворота. Запущенные переворотом в ходе войны политические процессы способствовали дезорганизации общественных отношений в регионе и, как следствие, росту протестных настроений. Решающим фактором, обеспечившим победу большевиков, стал переход на их сторону солдатских масс. Поскольку региональные политические процессы были инспирированы сверху, и развивались как городская революция, возникшая в центре, то и возможности концептуального анализа политических процессов накануне Октябрьской революции на сегодня требуют закрытия многочисленных лакун в историческом познании, связанных с инспирированием данных процессов. Концептуальное осмысление возможно, если не только региональные процессы со всей их спецификой, но и общероссийские будут вписаны в мировой контекст. Ни одна сколь-нибудь масштабная революция в XX в. не происходила без влияния внешнего субъекта. В существующем на то время геополитическом раскладе присутствуют интересы правых глобалистов, стремящихся к разрушению европейских империй, и левых глобалистов (Ленин, Троцкий), ориентированных на мировую революцию. Были и интересы Германии на ослабление России и, как минимум, на вывод ее из этой войны. Деятельность Временного правительства нельзя рассматривать вне этих разноплановых сил. На

«шахматной доске» разыгрывалась многоходовка со многими скрытыми маневрами, в которой обыгрывают всех большевики. Затем из левого глобалистского проекта постепенно через гражданскую войну в борьбе с белым движением, интервенцией вырастает сталинский проект советской империи. С этой точки зрения, без исследования и осмысления геополитических перипетий мировой политики, влияния внешнего субъекта в подготовке и осуществлении государственного переворота в Феврале 1917 г. и его активного участия в достижении своих долгосрочных интересов в отношении России, невозможно полноценно оценить влияние внутреннего субъекта, и выстроить полноценную концепцию политических процессов, завершившихся утверждением советского проекта. Поэтому разработка методологии адекватного научного познания прошлого, решение проблемы доказательности выводов, содержательный анализ российского исторического процесса не только в национальной, но и глобальной перспективе, его репрезентация в постсоветских исторических условиях остается актуальной задачей.

Список использованной литературы и источников

1. Базанов С. Н. Эволюция доверия солдат фронтовиков к Временному правительству / С. Н. Базанов // Идеология и политика в истории России : сб. ст. — М. : АИРО—XXI, 2016. — С. 108—117.
2. Бакланова И. С. К вопросу о строительстве российской армии в 1917 году (историографический аспект) / И. С. Баканов // Наше Отечество. Страницы истории : Сборник научных трудов. Выпуск тринадцатый / под общ. ред. проф. В. С. Порохни. — М. : ППП «Типография «Наука», 2017. — С. 55—19.
3. Бэттлер А. Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. Т. II. Борьба всех против всех / А. Бэттлер. — М. : Изд-во ИТРК, 2015. — 672 с.
4. Иванов А. А. Проект И.И. Попова о введении земств в Сибири, выработанный в Иркутске накануне первой русской революции / А. А. Иванов, В. В. Андреев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2017. — Т. 22. — С. 102—109.
5. Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л. М. Дамешека. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2017. — 544 с.
6. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. / А. Г. Кавтарадзе. — М. : Наука, 1988. — 280 с.
7. Медушевский А. Н. Научное сообщество и его критики: старые обиды, новые разочарования и незавершенный поиск идентичности / А. Н. Медушевский // Российская история. — 2012. — № 4. — С. 216—221.
8. Минц И. И. История Великого Октября : в 3 т. / И. И. Минц. — 2-е изд. — М. : Наука, 1977—1979.
9. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов / А. П. Окладников. — Улан-Удэ : НоваПринт, 2014. — 514 с.
10. Папков С. А. Сталинизм в судьбе малых народов Сибири. Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы / С. А. Папков : материалы VI междунар науч. конф., Киев, 10—12 окт. 2013 г. — М. : Политическая энциклопедия, 2014. — С. 478—486.

11. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири / С. А. Папков. — М. : РОССПЭН, 2012. — 440 с.
12. Стариков Н. В. Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне / Н. В. Стариков. — СПб. : Питер, 2014. — 384 с.
13. Стариков Н. В. 1917. Разгадка «русской» революции / Н. В. Стариков. — СПб. : Питер, 2013. — 416 с.
14. Стариков Н. В. Кто финансирует развал России. От террористов до моджахедов / Н. В. Стариков. — СПб. : Питер, 2010. — 288 с.
15. Токвиль А. Демократия в Америке / А. Токвиль. — М. : Прогресс, 1992. — 554 с.
16. Хартова Е. С. Октябрьская революция — случайность или закономерность? От февраля к октябрю / Е. С. Хартова // Наше Отечество. Страницы истории : сб. науч. тр. Вып. 13 / под общ. ред. проф. В. С. Порохни. — М. : ППП «Типография «Наука», 2017. — С. 254–262.
17. Хрестоматия по истории России. 1917–1940 / под ред. М. Е. Главацко-го. — М. : Аспект Пресс, 1995. — 455 с.
18. Фурсов А. Россия на пороге нового мира. Холодный восточный ветер 2 / А. Фурсов. — М. : Книжный мир, 2016. — 384 с.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-AV@bgu.ru.

Author

Alexander V. Shalak — Doctor of History, Professor, Head of the Chair of History and International relations, Baikal State University, 11, Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: Shalak-AV@bgu.ru.